

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

УДК 316.4

И. П. Басалаева

ФРОНТИР КАК МЕСТО В ПРОСТРАНСТВЕННОМ АНАЛИЗЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

В статье выявляются хронологические ресурсы понятия *фронтир* в статусе метода социально-философского анализа социальной динамики. Эxpлицитованы эпистемологические основания проектизма как базового типа отношения к ландшафту в западной цивилизации. Рассмотрены современная концептуализация понятия *Место* и значимость понимания фронтаира как *Места*.

Ключевые слова: фронтир, социальное пространство, социокультурная динамика, культурный ландшафт, пространственный анализ, метафизическая установка.

I. P. Basalaeva

FRONTIER AS *PLACE* IN SPATIAL ANALYSIS OF SOCIAL DYNAMICS

The article clears out the chorological resources of the notion of *frontier* in the status of the method of social-philosophic analysis in social dynamics. Epistemological bases of projectism as primary landscape relation type in western civilization are explicated. Modern conceptualization of the notion *Place* and the importance of understanding the frontier as *Place* have been analyzed.

Keywords: frontier, social space, socio-cultural dynamics, cultural landscape, spatial analysis, metaphysical mode.

С начала 1990-х гг. в мировой науке актуализировалась пространственная проблематика: уделяется особое внимание разработке понятия *социальное пространство*, происходит взаимопроникновение социологии и географии. Пространство стало едва ли не единственной мерой сведения социального действия к некоему культурному знаменателю. С другой стороны, в отечественных исследованиях локальной социокультурной

динамики существенную роль играет концепция фронтаира, импортированная в ходе трансформации отечественного гуманитарного знания, но при этом фронтир как категория анализа остается частотным в работах, следующих традиционной историографической парадигме. Социально-философская тематизация понятия на сегодняшний день не произведена, что, на наш взгляд, существенно редуцирует методологические возмож-

ности фронтальной концепции в применении к пониманию специфики пространственно (ландшафтно, в теоретико-географической терминологии) детерминированного социального бытия. Задачей статьи является экспликация фронта в статусе хронологической категории социально-философского анализа.

Фронт понимается нами как квази-граница, пространственно локализованный процесс перехода, ландшафтно детерминированный стереотип поведения, лиминальный символический хронотоп, доступный переживанию в особом социальном пространстве (культурном ландшафте), а исследованию – в виде символических рефлексий, седиментированных в различных семиотических системах. Пространство фронта в большей степени ментальное, нежели физическое, хотя мыслить фронт в подобной бинаристской логике затруднительно, ибо, с одной стороны, фронтальный паттерн ландшафтно определен, но, с другой стороны, он определен ландшафтом не природным (физическим), а культурным. Культурный ландшафт – проекция социальности.

Категория времени существенна для интерпретации фронта, как процесса социокультурной динамики, в качестве инструмента выявления пространственных закономерностей социальных систем, – в частности, устойчивости фронтальных зон в одних и тех же географических районах. Для понимания хронотопичности фронта важна идея о зонах как запечатленных в ландшафте исторических эпохах [5, с. 62–63]. Фронтальная история Алтае-Саян является именно такой пространственно-временной системой: двигаясь сегодня в южном и восточном направлениях от Новокузнецка, можно постепенно пересечь весь хроматизм исторически «пройденной» фронтальной зональности. Из районов нового индустриального освоения мы попадем в районы пушного и штрафного фронта и далее – в «архаические» ландшафты, доступные лишь традиционной хозяйственной

деятельности. Однако «нетронутыми» они не будут, ибо любой контакт человека с природой наполняет физико-географические районы социальными функциями. Таким образом, фронт – это перемещения групп, образующие пространственно-временные структуры («вещные» следы фронта, его пространственные реификации), а также эволюция этих структур.

Для фронтальных территорий характерно особое переживание социального времени, сопряженное с почти полной редукцией исторического прошлого. Это может сочетаться с гипертрофированной сосредоточенностью на будущем, что особенно характерно для прагматики и символики советского времени [4], а также – в более широкой компоновке – для проективизма [2, с. 51–53] как типа отношения к ландшафту. В горизонте выполненного М. Хайдеггером анализа структуры метафизической позиции, явленной в форме «четверицы» эпистемологически валентных установок понимания бытия, проективизм имеет прямое отношение к метафизическим основам Нового времени и неклассической эпохи. В новоевропейской философии Я есть то, что всегда заранее уже *пред-ставлено* и *установлено* как подлинно достоверное, самоочевидное, не вызывающее вопроса. Мир помысленный как мир представленный – к этому новоевропейская мысль была подготовлена Р. Декартом, *cogitare* которого в важных местах заменяется глаголом *percipere* (*per-capio*), что значит «схватить что-либо», овладеть какой-либо вещью способом поставления-перед-собой, «пред-ставления», установления мною в качестве «видимого» [см.: 8, с. 123]. Но всякое человеческое представление есть само-представление. Я здесь важно в качестве того, при чем, против чего и перед чем выставляется всякое представляемое. То есть представляющий человек тоже латентно «сопредставлен» как сущностно принадлежащий к конституции представления, и этот аспект конституирования глубоко

разработан в трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля. Для греков сущее в непосредственном мистическом слиянии с бытием было единым, цельность которого еще не нуждалась в рациональной реконструкции. Совсем иное, в отличие от греческого *внимания*, означает новоевропейское *представление*, смысл которого лучше всего выражен в слове *repraesentatio*. *Пред-ставит* означает тут поместить перед собой наличное как нечто *противо-стоящее*, определить его. Тем самым *противо-поставленное*, *пред-стоящее* становится *пред-метом*. Субъект – это нечто *заранее пред-лежащее* (*sub-iectum*) всему воспринимаемому (вторичному), ибо всякое внечеловеческое сущее *поставлено* перед субъектом и становится *объектом* для него.

После Декарта бытие было перетолковано в *пред-ставленность* представляющего субъекта (предметность) и организовано в видимость «действительности», которая настроена обходиться без раскрытия существа бытия. Так составила картина сущего, помысленного как *противопоставленный предмет* и суженного до «природы», понимаемой как картина мира, исполненная предметов. Но в этой картине человек и самого себя выводит на сцену, вводит себя в картину, им же созданную. Человек становится репрезентантом сущего в смысле предметного, а метафизика как наука о сущем превращается в антропологию. К XVIII в. *принципиальное* отношение человека к сущему в целом воспринимается как *gerpraesentatio* (представление) и окончательно формируется в виде *мировоззрения* (которое, по Хайдеггеру, суть метафизика в своей последней форме – антропологической), – само это слово впервые появляется в языке, свидетельствуя о том, как решительно мир стал картиной, а человек (субъект) поднял самого себя до командного положения всеобщей точки отсчета. Это обеспечило человеку особого рода движение посреди сущего

(рассчитывание, исследование, завоевание, покорение), в ходе которого предмет стал научно познаваемым (теоретически препарировуемым). Бытием отныне считается только то, что таковым признало сознание, «само» же бытие остается неспрошенным и непродуманным *само-собой-разумеющимся*, мыслимым как предметная противопоставленность для устанавливающего представления. Человек распоряжается всем сущим как таковым, ибо, поставив себя в господствующее положение над всей Землей, он задает меру для существования всякого сущего, будучи тем сущим, на котором основывается все сущее. От этого оставался один шаг до грандиозных теоретических проектов XIX–XX вв., *предусматривавших «покорение»* природы (в разных ее модусах) как картины, конструкта опредмечивающего представления [8, с. 52]. Важное, на наш взгляд, замечание относительно глубинных оснований проектистских метафор покорения природы делает Е. Добренко в исследовании «политэкономии соцреализма». Эти метафоры суть не что иное как попытка рационализации насилия, в сфере социального действия продолженная работой механизмов дисциплинарности масс. Советское общество 1930-х оказалось пропитанным практиками скрытого насилия, начиная с педагогических технологий и заканчивая политической борьбой, что позволяет говорить о *рутинизации террора* [1, с. 10] в советском типе социальности. Фронт в такой оптике предстает как фундаментальный механизм рутинизации насилия, понимаемого в социально-философском смысле.

К эпохе «восстания масс» человек уже не более чем материал, важнейшее сырье для технического производства. Бытие отныне понимается как поддающийся калькуляции запас всего имеющегося в наличии и редуцируется до устраиваемости (обеспеченности), а сущее лишается своей собственной сути, став «техникой»: здесь это означает не

обособленные области машинного производства и технического вооружения, а все области сущего («опредмеченная природа, устроенная культура, подстроенная политика, надстроенные идеалы...» и т. п. [8, с. 182]). Упорядоченное пользование сущим становится поводом и материалом для роста производства. Человек, как показал уже Ф. Ницше, становится безусловным господином над всякого рода перспективой, в которой мир формируется и овладевается. Существенно, что одновременно с этими процессами в пространство социальной рефлексии проникают идеи «давления границ», «невыносимой и удушающей тесноты пространства», обостряющие «борьбу за жизненное пространство» на границах [9, с. 230, 233–235], что имеет прямое отношение к фронтальной проблематике. В геополитике оформился даже концепт *Внутренняя Европа (Innereuropa)*, явно референтный гумбольдтианской категории *Внутренняя Азия*.

На пороге так называемой постсовременности, в эпоху заката проекта модерна, обрела популярность концепция «конца истории» – одно из референциальных отражений западного ощущения трансформации темпоритма и самой сути социального бытия. Время утратило прежний метанарративный (в терминологии Ф. Лиотара) смысл, что было напрямую связано с дискредитацией «навязчивых идей» XIX в. о социальном прогрессе (репрезентированных в оппозициях типа *развитие/остановка, кризис/цикл* и др.). *Пространственный поворот* социогуманитарного знания и поиск новых оснований комплексного социально-философского анализа современности констатировал М. Фуко в 1967 г., согласно которому современность должна интерпретироваться в качестве «эпохи пространства» уже по той причине, что время как историческая длительность схлопнулось до синхронности, в связи с чем «мир ощущает себя... не большой жизнью, которая развивается во времени, а се-

тью, которая связывает различные точки» [7, с. 171]. Неслучаен интерес современной мысли к феномену *time-space compression* [11, с. 491–494], проявившийся после довольно долгого периода «господства непространственного подхода, в котором теоретически допускалось, что схожее влияние в схожих местах могут оказывать схожие переменные» [3, с. 69].

Изменение социальной динамики постсовременных обществ в аспекте обусловленного глобализацией ускорения социального времени и фрагментации социального пространства изучается современной социально-философской мыслью, занятой деконструированием модели модерна как гомогенной тотальности и утверждением теории *множественных модерностей*. Социальное время дигитализуется, утрачивая собственную «физику», и индивидуализуется, нивелируя самое существенное в модернистском проекте – солидаристическое понимание исторического времени. Современные солидарности все реже выстраиваются в современном режиме хронологического движения («догнать», «развить») и все чаще – в пространственной логике вневременного взаимодействия культур («просто жить»). Это изменение коррелирует с институционализацией в категориальном аппарате пространственных исследований неклассических понятий *Место* и *поток*, сосредоточенных на различении глобальных и **локальных** измерений социальной реальности – локально реорганизованных.

Утверждается тенденция концептуализировать пространство в качестве *Места* телесного опыта (в отличие от *Места* созерцаемого, дискурсивно постигаемого наблюдателем, а не переживаемого повседневным актором) и в статусе события-пребывания. Вопреки позитивистски-обезличенной, картезианской в генезисе трактовке пространства как «прозрачного» контейнера эмансипированных

социальных единиц и артефактов, *Место* (*place, locality*) понимается как насыщенная смыслами и символами локализация «археологии повседневности». Именно в этом авторы, работающие в поле современной *Human Geography*, видят принципиальное отличие собственной оптики от классической географии, ибо концепт *Место* составляет самую суть новой парадигмы: «Термин *Место* обычно отсылает к отдельному сегменту земной поверхности, уникализированному чувством принадлежности и укорененности, что делает его отличным от всякого другого места вокруг. А. Лефевр отмечал, что наиболее опасной из пространственных метафор является аналогия между ментальным пространством и чистым листом бумаги, на который психологические и социологические детерминанты наносят свои вариации и переменные [см.: 6, с. 181–182]. Такое понимание подменяет «подлинное», текучее, живое, многомерное, качественно нагруженное социальное пространство геометризованным – пустым, нейтральным, чистым, бескачественным, гомогенным.

В отечественном дискурсе понятие *Место* выступает маркером культурно-ландшафтного поля урбанистических исследований, отличных от сугубо дисциплинарных географических, экономических, политологических и иных. В 1990-е гг. популярным термином в работах по социопропространственной проблематике был *локал* (калька с английского *the locale*, введенного Э. Гидденсом и широко употребительного в среде крупнейших географов современности – Д. Харви, Б. Верлена, Н. Трифта и др.). *Локал* – это не географически понимаемое место, не местность, не ландшафт, не территория как таковая, а связь физического окружения с типичными в нем социальными взаимодействиями, смысловой комплекс (образец), определяющий область совершения действий соответственно определенным правилам, некое

«свое место» для всякого *у-местного* взаимодействия. Люди живут не в физическом пространстве, а в сети культурно конструируемых пространственных смыслов – локалов, пространственных кластеров, т. е. внутри системы связей, привычных, определяющих контуры реального мира. Будучи сконструированным комплексом смыслов, *локал*, имплицитно определяющий и нормирующий эту *у-местность*, диктует уместные ситуации и взаимодействия и является поэтому еще и точкой концентрации власти, обычно совершенно незаметной для подвластных. Размер локала широко варьируется; им может выступать дом, офис, фабрика, кладбище, город, курорт, империя – но каждый из этих локалов предстает как неделимое, элементарное единство, обладающее связностью, целостностью, непрерывностью, осмысленностью, – т. е. базовыми характеристиками *текста*. Отметим, что в отечественном теоретико-географическом дискурсе в практически идентичном смысле употребляется понятие *культурный ландшафт*, синоним *ландшафта* (ибо не все земное пространство может быть названо ландшафтом). *Места* в нем – уникальные топосы, насыщенные смысловыми различиями: полисемантические, полифункциональные, поликонтекстуальные. Тематизация *Места* манифестирует эмансипацию пространственной рефлексии от объятий категории *большого пространства*, восходящей к универалистским схемам XVIII–XIX вв.

Итак, действия, взаимодействия, идеи, символы и иные социальные факты соотносены с конкретной территорией (воспринимаемой как неделимое единство) и образуют вместе с ней единый смысловой комплекс, переживаемый и потому эмоционально окрашенный. Это пространство «реальной жизни», или «внешнее» [7, с. 171, 173]. В своей онтологически первичной форме пространство вообще не определяется калькулируе-

мыми временем и протяженностью, но, как отмечает Э. Штрекер, «подлинно характеризуется тем, что оно и есть качество, полнота выражения» [цит. по: 6, с. 196]. Другими словами, пространство не *познается*, не *ощущается*, но *опознается* в дорефлексивной обращенности к миру. Такое переживание «настроенных» пространств с точки зрения буквального предметного понимания может казаться не существующим «в реальности», однако человек *живет* в них отнюдь не как в *просто-образах-пространства* [цит. по: 6, с. 197]. «Настроенное» пространство принципиально *атопично*: в нем нет измеримых расстояний, близкое близко не в смысле дистанции, а даль находится там, где меня больше нет (или еще нет) – и в этом видна пространственно-временная природа близи и дали, которую нельзя схватить без учета момента времени. Пространство переживания («пространство действия», в отличие от «пространства созерцания») – это экстатическое временное целое, вне дифференциации модусов времени [6, с. 198]. Данное положение феноменологии перешло в современную социальную географию, исходящую из тезиса, что *Место* характеризуется безостановочным течением человеческой практики (и ее переживания в опыте) во времени и пространстве. *Чувство Места* (*sense of place*) рассматривается как важный компонент структуры *Места* и означает «все субъективные значения, выполняющие функцию связи с местоположением в физическом ландшафте и характеризующие именно это местоположение» [10, с. 356]. Многие такие значения могут быть личными и возникать в поле индивидуальной биографии, эмоционально синкретичными (и потому составляющими трудность для описания); в этом отношении *Место* – конститутивный элемент становления индивидуального сознания, в свою очередь конституирующего это *Место*.

В современном культурологически ориентированном городоведении под *Местом*

понимается «движущая сила в производстве и воспроизводстве культуры, языка и обычаев. Оно служит основой идентичности, поставляя символы и мифы для коллективных представлений и солидарности» [3, с. 67]. *Место* является смысловой рамкой жизненного мира конкретного сообщества, а сегодня, структурируя восприятие через локальную систему ценностей и культурных допущений, еще и важнейшей основой политической мобилизации. *Место* прямо конституирует чувство идентичности, будучи системой коммуникации, которая воспроизводит смыслы и распространяет их, формируя местную солидарность. Последняя, в свою очередь, контролирует физическое пространство. *Место* – плотная констелляция реификаций, «держущая» пространство.

Смыслообразующий компонент региональной идентичности – *образ Места*. Это величина конструируемая и потому исторически изменчивая, но *детерминированная* константными паттернами *Места*. Культурно-символический образ города как *Места* может трактоваться в виде системы рационализированных и полусознанных смыслов локального культурного ландшафта, связывающей с городом живущих в нем людей и презентующей город вовне (в этом смысле у образа *Места* имеются две валентности – «для своих» и «для чужих»). Важно, что именно *образ Места* является коллективным референтом базовых значений *Места*, в отличие от индивидуализированного по преимуществу *чувства Места*; он является синтезом различных «*чувств Места*» [10, с. 356], телесно переживаемых, и основанием групповой (территориальной) солидарности. Образ *Места* выполняет поэтому нормативную функцию легитимации и трансляции преданных практик обращения с *Местом*.

В аспекте связи с идентичностью проблематика *Места* приобретает особую важность для осмысления опыта фронтальных регионов

и проектирования их развития. Известно, что особенно рельефно и драматично процессы современной переходной эпохи протекают в индустриальных и промышленно ориентированных городах Сибири – макрорегиона с выраженной ресурсной и колониальной спецификой, усугубленной штрафным опытом. Его фронтальное наследие, на фоне начавшегося вхождения социальной жизни в активную фазу конституирования городского образа жизни, делает неизбежным поиск новых опор регионального развития Кузбасса. В этой связи актуальная проблема отечественного регионального менеджмента – выявление специфики региона как действительного основания территориальной идентичности, репрезентированной в образе *Места*. Установление глубинных факторов, детерминирующих региональное развитие, позволит по-новому понять социальные трансформации эпохи перехода и выстроить стратегии управления ими (насколько тако-

вая задача соотносится с инерционностью социального, не подлежащего полной рационализации). В постиндустриальных обществах исследование культурно-символических оснований территориальных целостностей становится методом социального проектирования, не уступающим по значимости политическому и экономическому инструментарию.

Фронт, рассматриваемый в ракурсе властных технологий конструирования социального пространства, коррелирует с хайдеггеровским концептом *постав*, означающим стратегию технического распоряжения миром, хотя далеко не исчерпывается им. Феноменологически фундированная фронтальная аналитика, поднятая этим до уровня философского «осмысления существа сущего» [8, с. 41], могла бы обрести статус *региональной метафизики*, в терминах М. Хайдеггера, и стать адекватным и необходимым методологическим базисом современной региональной аналитики.

Литература

1. Добренко Е. Политэкономика соцреализма. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 592 с.
2. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.
3. Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. – 2003. – № 6(40). – С. 67–116.
4. Решикова И. П. Коммунизм: между временем и пространством [Электронный ресурс] // ХОРА: журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики. – 2008. – № 3. – С. 113–126. – Режим доступа: <http://www.jkhora.narod.ru/2008-3-12.pdf> (дата обращения: 16.03.2011).
5. Родман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. – Смоленск: Ойкумена, 1999. – 256 с.
6. Филиппов А. Ф. Социология пространства. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 285 с.
7. Фуко М. Другие пространства. Гетеротопии // Проект International. – 2008. – № 19. – С. 171–179.
8. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / сост., пер., вступ. ст., коммент. В. В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. – 448 с. – (Мыслители XX века).
9. Хаусхофер К. Границы в их историческом и политическом значении // Классика геополитики, XX век: сб. / сост. К. Королев. – М.: АСТ, 2003. – (Philosophy). – С. 227–598.
10. Cresswell T. Place // Encyclopedia of Human Geography / ed. by V. Warf (Florida State University). – Thousand Oaks – London – New Delhi, 2006. – Pp. 356–360. *Перевод цитаты выполнен И. П. Басалаевой.*
11. Warf V. Time-Space Compression // Encyclopedia of Human Geography / ed. by V. Warf (Florida State University). – Thousand Oaks – London – New Delhi, 2006. – Pp. 491–494.